

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Д.В. Байдузю -

аспирант кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета

ИДЕОЛОГИЯ И СФРАГИСТИКА НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА XIII ВЕКА

Идеологический аспект деятельности Немецкого ордена не принадлежит к числу достаточно изученных явлений в медиевистике. Наибольший вклад в становление этого все более отчетливо выделяющегося в последнее время направления исследований корпоративной и, позднее, также государственной саморепрезентации орденской власти внесли польские историки. Среди самых значительных, пожалуй, следует назвать ряд трудов Я. Трупинды, посвященных крестоносной идеологии в «Хронике земли Прусской» орденского священника Петра из Дусбурга[1]. Немецкие исследователи, создавшие поистине колоссальный задел в изучении Немецкого ордена, отказываются от термина «идеология», считая его явным модернизмом, не применимым к средневековой истории[2], и фокусируют внимание на орденском спиритуалитете[3], благочестии[4] или самосознании[5]. Нам представляется вполне правомерным употребление данного термина в понимании его как комплекса идей, отражающих идеал.

Идеология Немецкого ордена в той или иной степени отразилась во всех памятниках корпоративной культуры. Особый интерес представляет наименее исследованная визуальная традиция[6], свидетельствами которой являются предметы материальной культуры ордена, в данном случае, памятники сфрагистики, несущие социально значимую информацию. Интерес к ней продиктован, прежде всего, произошедшей в настоящее время переоценкой роли изобразительных памятников в мировосприятии и самовыражении средневекового человека[7]. Воскомастичные печати являются наиболее яркой и вполне самостоятельной группой эмблематических памятников, выражающих орденскую идеологию XIII в., поскольку система геральдической репрезентации Немецкого ордена в указанный период еще находилась в стадии становления.

Как известно, печать в средние века была, прежде всего, инструментом правовых отношений и широко использовалась в канцелярской практике. Наличие печати при грамоте или письме подтверждало, что «документ является действительным и подлинным, т. е. что он исходит или подписан по воле лица или учреждения и введен в действие от того, кто назван в качестве эмитента»[8]. Изображение в поле печати в большинстве случаев символически представляло ее владельца, что подчеркивалось легендой печати и эсхатоколом грамоты, также подтверждающим соотнесенность изобразительного сюжета и эмитента[9].

Наибольшие заслуги в изучении печатей Немецкого ордена принадлежат немецким историкам и искусствоведам. Первые специальные исследования начинают появляться с середины XIX в. и посвящены, в основном, печатям орденских официалов в Пруссии[10]. Несмотря на то, что, особенно в последнее время, каталогизация и исследование памятников орденской сфрагистики достигли существенных успехов, значительное количество печатей все еще не известно, и вопрос их полной систематизации, поставленный К. Конрадом, остается открытым[11]. Особенно это касается комтурств ордена вне Пруссии[12].

Наиболее ранние из сохранившихся орденских печатей относятся к первой четверти XIII в., и в развитии изобразительных сюжетов дают возможность проследить эволюцию орденской идеологии, поскольку установление приблизительной даты изготовления матрицы (штемпеля) позволяет судить о существовании символически отображенной на ней идеи уже в указанный период. Статуты Немецкого ордена[13], в основу которых были положены правовые нормы уставов более старых духовно-рыцарских орденов тамплиеров и иоаннитов, впервые предстают в упорядоченном изложении, по новейшей датировке У. Арнольда, ок. 1244 г.[14]. Они являются основным источником, регламентирующим употребление печати орденскими официалами; пункты, затрагивающие использование печати, вероятно, изначально были заимствованы у тамплиеров. Согласно Статутам, членам ордена были запрещены личные печати[15]. Действительно, примеры употребления личных печатей в XIII в. немногочисленны, а прецедент, вероятно, связан как с высокой ролью официала (до его вступления в корпорацию) либо его семьи для ордена[16], так и с достаточно длительным периодом упорядочивания самих Статутов.

Печати Немецкого ордена занимают особое положение в сфрагистике духовных иерархов средневековья вообще, и духовно-рыцарских орденов в частности. Как правило, печати должностных лиц рассматриваемого периода сообщали лишь должность официала, что позволяло передавать печать преемнику как символ административной власти[17]. Статуты не зафиксировали каких-либо предписаний, регламентирующих выбор изображения в поле печати официалом, однако один из крупнейших современных специалистов в сфрагистике Немецкого ордена, искусствовед Р. Кахснитц, указывает на постепенное развитие определенных традиций[18]. По его мнению, выбор печатного изображения лежал в сфере компетенции самого официала. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что печати орденских иерархов, в сравнении, хотя бы, с современными им сфрагистическими памятниками ордена иоаннитов, в значительно большей степени отражали именно корпоративную идеологию, чем личность эмитента.

Наиболее распространенными сюжетами печатей орденских официалов были изображения Девы Марии как официальной патронессы ордена[19] и Христа, а также различные события их жизни, отраженные в Новом Завете. Необходимо отметить, что данный выбор был обусловлен не только повсеместным распространением культа Девы Марии как заступницы, связанном в кон. XII – первой

пол. XIII вв. с обострением эсхатологических ожиданий[20], но и с особой ролью ордена цистерцианцев и влиянием благочестия нищенствующих орденов[21]. Крупнейшими распространителями культа Девы Марии в XII в. были цистерцианцы. Степень влияния этого ордена на формирование идеологии духовно-рыцарских орденов оспаривается, в частности, К. Эльмом[22], однако, в любом случае, решающую роль в идейном обосновании права на существование первого духовно-рыцарского ордена, тамплиеров, сыграла «Похвала новому рыцарству» цистерцианца Св. Бернара Клервосского[23]. Данное сочинение, видимо, впервые отразившее идею духовно-рыцарского ордена как *militēs Christi* (воинства Христа)[24], отринувших мирские соблазны ради единственной цели – Священной войны с врагами Христа и помощи единоверцам, оказало определенное влияние и на идеологию Немецкого ордена.

Сюжеты орденских печатей отражали корпоративное понимание и трансляцию деятельности Немецкого ордена как защиты и распространения дела Христа на земле. Хотя приоритетным направлением орденской политики XIII в. (до падения в 1291 г. Акры, последней крепости христиан в Палестине), по мнению большинства исследователей, являлась Святая Земля, большинство сил было сосредоточено в Юго-восточной Прибалтике, где с 1231 г. осуществлялось покорение языческих племен пруссов[25]. Существование аналогичных сюжетов в комтурствах Немецкого ордена в землях Германии, где велась только хозяйственная деятельность, подчеркивает единство восприятия сущности ордена изнутри на всех ступенях его иерархии. Видимо, здесь следует говорить о заимствовании данных сюжетов из владений ордена в прусских землях, где они впервые появились, подчеркивая миссию ордена.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода было изображение в поле печати ландмейстера Пруссии (1228 – 1239) и Ливонии (с 1237 г., когда произошло объединение Немецкого ордена с остатками ордена меченосцев[26]) Германа Бальке[27]. Сюжет показывает бегство Святого семейства в Египет. Данное изображение было неизменным для печати ландмейстера Пруссии вплоть до упразднения должности в 1309 г. в связи с переносом резиденции верховного магистра в Мариенбург (Пруссия)[28] и использовалось на печати магистра Ливонского ордена в XV – XVI вв.[29]. Существование печати Германа Бальке впервые фиксируется грамотой от 19 июня 1233 г.[30], в первой редакции Кульмской грамоты 1233 г., сгоревшей при пожаре 1244 г. и известной по второму экземпляру 1251 г. он именуется *preceptor*[31]. Таким образом, появление сюжета, вероятно, связывается с началом завоевания прусских земель и символически подчеркивает тяготы орденских братьев, претерпеваемые в процессе обращения язычников, мученичество за веру. Восьмиконечная звезда в поле печати указывает на грядущую победу ордена в борьбе с врагами Христа. Такую интерпретацию предлагает первый орденский хронист Петр из Дусбурга (первая треть XIV в.), отразивший в «Хронике земли Прусской» идеал рыцаря ордена[32]. Он пишет, что рыцари «понесли свой крест и последовали за Христом, ибо каждый день и час готовы были принять поругание и смертную казнь ради защиты

веры»[33]. Аналогичным образом, правда, в более сжатой форме, что естественно для юридического памятника, тяготы, сопутствующие орденской миссии, предстают в протоколе Кульмской грамоты[34] и ряда других.

Избранничество братьев ордена – один из главных мотивов Петра из Дусбурга, уделяющего раскрытию его содержания значительное внимание в контексте создания образа идеального рыцаря Христа. М. Дыго посвятил этой теме специальное исследование, подчеркивая, что хронист сознательно рисует образ «святого рыцаря Немецкого ордена»[35]. Как аспект орденской идеологии этот мотив являет печать ландмейстера Ливонии[36], использовавшаяся, по мнению Р. фон Толля и И. Заксендаля, уже с 1241г.[37] и сохранившаяся в нескольких вариантах более позднего времени[38]. Сюжет представляет Рождество Христово с основными иконографическими атрибутами, искусно размещенными на сравнительно небольшом поле печати. Данная sigillum являет пример достаточно частой смены сюжета в сфрагистике Немецкого ордена XIII в., особенно коснувшейся печатей ландмейстеров Ливонского ордена[39]. Вероятно, в образе пришедшего в мир Спасителя неизвестный золотых дел мастер по заказу орденского официала эмблематически отразил деятельность ордена по распространению христианства в регионе. Данный сюжет относится к числу т. н. народной религиозности, тематически относящиеся к которому мотивы сравнительно редко встречались на средневековых печатях, но были широко распространены в сфрагистике Немецкого ордена. Р. Кахснитц указывает, что использование орденом сюжетов народного благочестия образует параллель с эмблематикой нищенствующих орденов, где аналогичные мотивы получили наибольшее распространение[40]. Несмотря на то, что члены орденов доминиканцев и францисканцев также участвовали в христианизации прусских земель, говорить о прямом заимствовании сюжета Немецким орденом не представляется правомерным.

Идея *imitatio Christi* (подражания Христу), достаточно распространенная в рассматриваемую эпоху, нашла свое отражение на реверсе буллы конвента Немецкого ордена в Святой Земле от 1262 г., изображающей омовение ног[41]. Данное изображение свидетельствует о прямом заимствовании орденскими официальными известного сюжета из Евангелия (Иоанн, 13:1-17), тенденция к которому в памятниках материальной культуры подчеркивалась Х. Аубером, писавшем, что «Священное писание было первоисточником христианского символизма, проявлявшегося как в области средневековой философии, так и в области пластических форм»[42]. Следует отметить, что сюжет получил наибольшую известность как символическое отображение должности великого госпитальера ордена, первые печати которого сохранились при грамотах первой трети 14 в.[43]. Изображение брата ордена, омывающего ноги больному, подчеркивает первоначальный госпитальный характер ордена, вышедшего из полевого госпиталя, основанного купцами Бремена и Любека во время осады Акры в течение Третьего крестового похода[44]. Омывание ног также символизирует послушание, один из монашеских обетов. Использование орденским конвентом сюжета свидетельствует о высоком

месте идеи помощи больным и бедным в своеобразной идейной иерархии ордена, встречающегося, впрочем, сравнительно редко на печатях орденских официалов. Это связано с изменением характера основной деятельности ордена после реорганизации 1199 г. в рыцарский орден[45]. Хотя под фигурой старого человека, которому омывает ноги брат ордена, подразумевается подопечный орденского госпиталя или приюта для бедных, следует помнить, что Петр из Дусбурга, описывая создание полевого госпиталя под стенами Акры, писал, «что в лице любого недужного или нищего они (основатели госпиталя – Д. Б.) принимают самого Христа»[46]. Данный пример показывает, насколько высок интерпретационный потенциал символа, зачастую не ограничивающийся единственным коннотатом.

Прямых указаний на рыцарский характер ордена в его эмблематике XIII в. сравнительно немного. Весьма интересным в этом плане представляется изображение Св. Георгия в широко распространенном в иконографии христианского запада образе пешего рыцаря[47]. Данный сюжет встречается на печати орденского конвента в Пруссии 1232 г.[48] и, несомненно, отражает культ святого как покровителя рыцарства, являющегося символом рыцарской доблести и стойкости в отстаивании христианской веры. Это первый пример «вытеснения» официальной патронессы на печати ордена[49]. Его появление, как представляется, связано с доминированием военного аспекта деятельности ордена в прусских землях. Необходимо отметить, что культ Св. Георгия из всех баллеев Немецкого ордена более всего был распространен именно в Пруссии[50]. В целом Св. Георгий сравнительно редко изображался на памятниках орденской эмблематики, немного места уделяет ему и Петр из Дусбурга в своей хронике.

Столь редкое обращение к основному патрону рыцарства объясняется тем, что памятники орденской историографии вплоть до последней трети 14 в. создавались представителями клира. Возможно, они были также причастны к разработке сюжетов печатей, поскольку в конвент, руководимый комтуром, наряду с братьями рыцарями входили и священники[51]. Изображающие конных или пеших вооруженных рыцарей ордена печати вообще встречаются достаточно редко, что, вероятно, следует связывать с жесткой аскезой орденских братьев и монашеским отречением от мира. Т. н. печати конного типа[52] были широко распространены не только среди светской знати, но и в ордене иоаннитов. В Немецком ордене наиболее известные печати этого типа принадлежали великому маршалу и маршалам Пруссии и Ливонии[53]. В образе конного рыцаря в полном вооружении на коне они символически отображают функцию эмитентов как командующих орденскими войсками.

Сжатые рамки позволяют нам лишь обозначить некоторые наиболее яркие сюжеты орденской идеологии и эмблематики, отраженные в законодательных, нарративных и сфрагистических памятниках, а также актовом материале. В течение XIII в. в орденской эмблематике, и, прежде всего, сфрагистике, сформировались прочные традиции, которые сохранялись в дальнейшем неизменными, вплоть до упразднения домов Ордена. Многообразие сюжетов, среди которых яв-

но доминируют Новозаветные мотивы, позволяют увидеть Немецкий орден глазами его официальных представителей, чья корпоративная идеология представлялась на печатях в общезначимых категориях как *arma spirituala* (духовное оружие)[54]. Данный подход, как представляется, позволяет реконструировать образ орденского рыцаря как воина Христа.

Примечания

1. Наиболее значительным из них является Trupinda J. *Ideologia krucjatowa w kronice Piotra z Dusburga*. Gdańsk, 1999.
2. Wippermann W. *Der Ordenstaat als Ideologie*. В., 1983.
3. Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter. Toruń, 1993. (*Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica VII*)
4. Kahsnitz R. *Siegel als Zeugnisse der Frömmigkeitsgeschichte // 800 Jahre Deutscher Orden: Ausstellung des Germanischen Nationalmuseums Nürnberg in Zusammenarbeit mit der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des deutschen Ordens / Hrsg. von G. Bott und U. Arnold*. Gutersloh; München, 1990. S. 368-405.
5. *Selbstbild und Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden*. Toruń 2005. (*Ordines Militares. Colloquia Torunensia Historica XIII*)
6. Среди немногих специальных исследований необходимо отметить: Olinski P. *Motywy Chrystologiczne na pieczęciach urzędników krzyżackich ziemi Chełmińskiej // Rocznik grudziądzki*. 2000. S. 9 – 20; Trupinda J. *Ikonografia pieczęci komturów gdańskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*. NS. T. 5 (16). 2001. S. 31-40.
7. Лучицкая С. П. *Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов*. СПб.: Алетейя, 2001. С. 316 - 319.
8. Kahsnitz R. *Op. cit.* S. 368.
9. Например, следующая формула в корроборации Золотой буллы в Римини 1226 г. Фридриха II: "... и укрепить золотую буллу с оттиском изображения нашего величества". Цит. по: Рогачевский А. Л. *Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. С. 323.
10. Среди наиболее известных следует назвать Voßberg F. A. *Geschichte der preußischen Münzen und Siegel von frühester Zeit bis zum Ende der Herrschaft des Deutschen Ordens*. В., 1843; Toll R. v., Sachssendahl J. *Est- und Livländische Brieflade. Teil IV: Siegel und Münzen der weltlichen und geistlichen Gebietiger über Liv-, Est- und Curland bis zum Jahre 1561*. Reval, 1887; Engel B. *Die mittelalterlichen Siegel des Thorer Ratsarchivs mit besonderer Berücksichtigung des Ordenslandes*. T. 1: *Ordensbeamte und Städte*. Thorn, 1894. (*Mitteilungen des Copernicus-Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn*. H. IX); Schmid B. *Die Siegel des Deutschen Ordens in Preußen // Altpreußische Forschungen*. Jg. 14. 1937. S. 179-186, Jg. 15. 1938. S. 63-75; Grzegorz M. *Analiza dyplomatyczno-sfragistyczna dokumentów traktatu torunskiego 1466 r.* Toruń, 1970. (*Roczniki TNT*. R. 75. 1970. Z. 1). Из новейших работ следует указать *Siegel des Deutschen Ordens von Akkon bis Mergentheim / Hrsg. von H.-G. Boehm*. Bad Mergentheim, 2002.
11. Conrad K. *Die mittelalterlichen Siegel des ehemaligen Staatsarchivs Königsberg (Überblick über ein geplantes Siegelwerk) // Preußenland*. Jg. 15. 1977. Nr. 1. S. 1-5. Современное состояние исследований представлено в: Olinski P. *Op. cit.* S. 9-10; Trupinda J. *Pieczęcie urzędników krzyżackich w Prusach. Stan badań i postulaty badawcze // Zapiski Historyczne*. T. 69. 2004. Z. 4. S. 111-121.

12. См.: Forstreuter K. Der Deutsche Orden am Mittelmeer. Bonn; Bad Godesberg, 1967 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 2); Militzer, K. Die Entstehung der Deutschordensballeien im Deutschen Reich. Bonn; Bad Godesberg, 1970 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 16). В. И. Матузова указывает, что около 1300 г. Немецкий орден насчитывал 300 комтурств в Европе: Матузова В. И. Из истории духовно-рыцарских орденов: Немецкий орден. От Аккона до Грюнвальда // Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть II. Европейский мир X-XV вв. М.: Интерпракс, 1995. С. 201-225. С. 207.
13. Die Statuten des Deutschen Ordens nach den aeltesten Handschriften / Hrsg. M. Perlbach. Halle a. S., 1890.
14. 800 Jahre Deutscher Orden... S. 345-346.
15. Die Statuten... S. 45.
16. В качестве примера можно привести Конрада, ландграфа Тюрингского, пятого верховного магистра Немецкого ордена (1239-1240) (см. Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер. с нем. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 2004. С. 43-44.).
17. Die Statuten... S. 90-95.
18. Kahsnitz R. Op. cit. S. 368.
19. Rosenberg В.-М. Marienlob im Deutschordenslande Preußen. Beiträge zur Geschichte der Marienverehrung im Deutschen Orden bis zum Jahre 1525 // Acht Jahrhunderte Deutscher Orden in Einzeldarstellungen / Hg. von K. P. Wieser (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 1). Bonn; Bad Godesberg, 1967. S. 321-330; Dygo M. O kulcie maryjnym w Prusach Krzyzackich w XIV-XV wieku // Zapiski Historyczne. T. LII. 1987. Z. 2. S. 5-36.
20. Делоно Ж. Ужасы на Западе / Пер. с фр. М., 1994. С. 166-167.
21. Vogtherr T. Siegelrecht, Siegelmißbrauch und Siegelfälschung bei den Zisterziensern // Archiv für Diplomatik. 1999. 45. S. 61-85; Kahsnitz R. Op. cit. S. 369.
22. Elm K. Die Spiritualität der geistlichen Ritterorden des Mittelalters. Forschungsstand und Forschungsprobleme // "Militia Christi" e Crociata nei secoli XI-XIII. Milano: Vita e Pensiero, 1992. S. 477-518.
23. Liber ad milites Templi de laude novae militiae // Santi Bernardi Opera 3. 1963. S. 213. Труд создан между 1128 и 1136 гг.
24. Fleckenstein J. Die Rechtfertigung der geistlichen Ritterorden nach der Schrift "De laude novae militiae" Bernhards von Clairvaux // Die geistlichen Ritterorden Europas / Hrsg. von J. Fleckenstein u. M. Hellmann. Sigmaringen, 1980. S. 9-22.
25. Истории завоевания Пруссии Немецким орденом посвящено очень большое количество исследований. Основной источник, повествующий о покорении прусских земель: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер. с лат. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 1997.
26. Булла Григория IX от 12 мая 1237 г.
27. Подробнее о нем см. Рогачевский А. Л. Указ. соч. С. 121-123.
28. Kahsnitz R. Op. cit. S. 377.
29. Ibid. S. 381-382.
30. Schmid В. Op. cit. S. 184.
31. Preussisches Urkundenbuch. Politische Abteilung, Koenigsberg, 1882. Bd I. H. 1. Hrsg. K. Philippi, С. P. Wolky. S. 77-81 и 183-194. Детальное исследование памятника см. Рогачевский А. Л. Указ. соч.
32. Петр из Дусбурга. Указ. соч.

33. Там же. С. 7.
34. Рогачевский А. Л. Указ. соч. С. 96-97.
35. Dygo M. Die heligen Deutschordensritter. Didaktik und Herrschaftsideologie im Deutschen Orden in Preußen um 1300 // Die Spiritualität der Ritterorden... S. 165-176.
36. Schmid B. Op. cit. S. 185.
37. Toll R. v., Sachssendahl J. Op. cit. S. 20.
38. Kahsnitz R. Op. cit. S. 380-381.
39. Ibid. S. 369.
40. Ibid.
41. Ibid. S. 375.
42. Auber Ch. A. Histoire et theorie du symbolisme religieux avant et depuis le Christianisme. Paris, 1884. Т. II. Р. 31. Цит. по: Матузова В. И. Идеино-теологическая основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 159-160.
43. Kahsnitz R. Op. cit. S. 377.
44. Петр из Дусбурга. Указ. соч. С. 11.
45. Буллы Иннокентия III от 19 февраля 1199 г. Опубликовано: Tabulae ordinis Theutonici ex tabularii regii Berolinensis codice potissimum / Hrsg. E. Strehlke. B., 1869. S. 266-268.
46. Петр из Дусбурга. Указ. соч. С. 11.
47. Künstle K. Ikonographie der Heiligen. Freiburg, 1926. S. 263-279; Lexikon der christlichen Ikonographie / Hrsg. von W. Braunsfels. Rom, Freiburg, Basel, Wien. 1974. Bd. VI. S. 365-390.
48. Kahsnitz R. Op. cit. S. 374-375.
49. Ibid. S. 375.
50. Ibid. О культе Св. Георгия в Немецком ордене см. Arnold U. Georg und Elisabeth – Deutschordensheilige als Pfarrpatrone in Preussen // Die Rolle der Ritterorden in der Christianisierung und Kolonisierung des Ostseegebietes. Torun, 1983 (Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica I). S. 69-78.
51. Arnold U. Powstanie i najstarsze dzieje zakonu krzyżackiego. O założeniu i strukturze wewnętrznej szpitala niemieckiego w Akkonie oraz zakonu rycerskiego w pierwszej połowie XIII w. // Zakon Krzyżacki. Z Ziemi Świętej nad Bałtyk. Toruń, 1996. S. 38.
52. Schontag W. Das Reitersiegel als Rechtssymbol und Darstellung ritterlichen Selbstverständnisses. Fahnenlanze, Banner und Schwert auf Reitersiegeln des 12. Und 13. Jahrhunderts vor allem südwestlicher Adelsfamilien // Bild und Geschichte. Studien zur politischen ikonographie. Festschrift für Hansmartin Schwarzmaier zum fünfundsechzigster Geburtstag / Hrsg. von K. Krimm und H. John. Sigmaringen, 1997. S. 94 – 101.
53. Kahsnitz R. Op. cit. S. 376, 377-378, 382.
54. О разграничении телесного и духовного оружия (De armis carnalibus et spiritualibus) см. Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae / Hrsg. M. Toeppen // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Т. I. S. 40. Понятие «духовное оружие» применительно к библиотекам, книгам и образованию в Немецком ордене использует А. Ментцель-Рейтерс, см.: Mentzel-Reuters A. Arma spiritualia. Bibliotheken, Bücher und Bildung im Deutschen Orden. (Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen 47) Wiesbaden: Harrassowitz 2003.